

ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ РУССКИЕ

Читатели наши, конечно, заметили, как тщательно удаляемся мы от состязаний с собратами нашими по журнальной литературе. На клики и брани единственный ответ с нашей стороны — молчание, ибо мы испытали и утвердительно можем сказать, что не польза словесности служит побуждением ко многим запальчивым выходкам, а надежда или уронить журнал, постоянно пользующийся вниманием публики, или по крайней мере досадить издателю его. Кажется, пора бы увидеть тщету своих усилий! Впрочем, мы не думаем искать мира, ненадежного между людьми разных мнений и правил; почитаем неизбежную брань со стороны многих людей, не имеющих успеха в своих литературных подвигах; желаем даже, чтобы они истощали над нашим изданием свою литературную деятельность, и думаем, что можем с безответным спокойствием глядеть на сии литературные

55

неустройства по двум причинам. 1—я, мы находим себя вправе презирать ничтожные придирки, часто оправленные ложью и даже клеветою: после шести лет одобрения публики и защитительным судьей нашим делается уже публика; мы даже не вправе отнимать у нее, на беспутные перебранки, листов, в коих она ищет пользы и удовольствия. 2—е, мы не можем даже прочитывать всего, что в некоторых журналах печатается насчет издателя «Телеграфа»; следственно, противники наши

сами дали нам право не отвечать им, ибо надобно отвечать всем или не отвечать никому; иначе каждый мог бы подумать, что мы согласны с обвинениями, оставляемыми без ответа. Но отвечать на все нам невозможно, ибо без увеличения можно сказать, что в журнальной литературе многие живут одними бранями против «Телеграфа». Нам остается только благодарить за такое внимание, вдвойне для нас приятное и выгодное, по той же причине, которая заставила героя трагедии Озерова промолвить:

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой!¹

После сего объяснения, читатели согласятся, что бросить взгляд на некоторые журналы русские заставляют нас побуждения более возвышенные, чем мелочное желание сделать отпор нападениям, не заслужившим нашего внимания и уважения. Не ссориться хотим мы с гг. журналистами, приступая к обзору их трудов, их направлений и успехов. Благоразумие подскажет им за нас, что не всякий разбор литературный есть брань, не всякое порицание — вызов на бой и не всякая похвала — рассчитанный путь к миру. Не из благоразумия, так хоть из приличия они должны согласиться с этим.

Не в одной России, но и во всех образованных странах журналы занимают ныне важное место, и не только в словесности, но и во мнении общественном. Во Франции, в Англии, в Соединенных Штатах и в некоторых других странах они составляют даже отдел силы государственной². Мы еще молоды для этого. Но и у нас не только литераторы, но и художники, и ремесленники, и многих других отделов люди, короче, все подвергающиеся

гласности в обществе дорожат мнением журналистов. Даже само правительство удостоивает своим вниманием суждения некоторых периодических изданий русских. Публика наша ищет в газетах и журналах уже не только развлечения, которое дают ей и карты и собаки, и фигляры и

56

зайцы, и фокусники и городские слухи, и проч., и проч. Она ищет в них уже не одной пустоты занимательной, но занятия полезного и вместе приятного. Публика наша может быть уподоблена юноше, подающему великие надежды, уже чувствующему, уже рассуждающему, жадному к приобретению познаний, но еще увлекаемому своим возрастом. Оттого у нас едва ли могут издаваться журналы, подобные английским «Обозрениям», но уже прошло время и для карамзинского «Вестника Европы», а не только для чего-нибудь похуже.

Тот не должен и думать об издании литературного журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей. Журнал должен составлять нечто целое, полное; он должен иметь в себе душу, которую можно назвать его целью. Иначе ваше собрание непременно подвергнется равнодушию публики. Не указывайте на людей, живущих в обществе без цели, а иногда и без души. Это рядовые, пользующиеся чужим умом, следующие чужому направлению. Журналист, в своем кругу, должен быть колонновожатым; куда же заведет он свой корпус, не зная дороги, ибо дорогу знают тогда только, когда известна цель пути. Из Москвы не

доедем и до Серпухова, если пустимся в какую попало заставу.

Что в наше время должно быть целью русского литературного журнала?

Судьба указала нам жить во время перерождения всех понятий литературных. Литература не ограничивается ныне кодексами, долго останавливающими ее. Она распространила свою область и, питая просвещенное уважение к образованию, к понятиям и к произведениям древних, присоединила к умственному богатству своему опыт времен средних и новых. И все преобразилось! И преобразование сие существует не в воображении, не в фантазиях, как думают глупые люди и глупые журналы. Доказательством существенности его есть постоянный успех нового направления. Оно объяло все отрасли познаний. В самом деле, что сказали бы Зороастр — Баттё и Аристотель — Лагарп, если бы им шепнули, что придет такое время, когда для истинного понятия об изящном Расине не станут сверять трагедий его с Горациевою «Пиитикою»³, а будут наводить справки у герцога Сен-Симона, описавшего двор французский во время Людовика XIV⁴; что великого Корнеля будут обличать в анахронизмах и пустословии древними статуями, вазами и Плутархом; что *мужик* Шекспир сгонит со сцены всех

драматических классиков и сам будет кодексом драматургии? Такое же изменение против недавнего прошедшего видим по всем частям словесности и по всем частям образованности. Воспитание приняло новый вид, ибо в нем руководствуются новыми понятиями, и ныне

совсем не кажется странно, что герцог Орлеанский, которого, конечно, готовили не в лекаря, учился медицине и сам рассекал трупы. Но прежде, и еще очень недавно, хирург был хирургом и не хотел думать ни о чем другом; литератор учился по-латыни, по-гречески, читал классиков и зубрил Горация и Баттё, не воображая, что ему полезнее было бы познакомиться с духом греческих и римских законов, с индийцами и с естествознанием. Он весь век свой проводил над одним классиком, которого не понимал. Ныне естествоиспытатель и законововедец столь же тщательно заботятся о своем литературном образовании, сколько литератор старается войти в область их наук.

Таково общее направление века. Говорят, что оно мешает исключительно и глубоко заниматься отдельными предметами, и что оттого истребились в наше время *эрудиты*. Неправда! Нельзя противиться врожденному влечению, и потому-то в наше время еще более, чем прежде, видим мы истинных ученых, по всем частям наук. И ныне географ становится географом, филолог филологом, геометр геометром, с тою разницею, что в наше время сии люди освещают свой путь философию. Этому доказательством служат также невероятные успехи наук. Впрочем, не заботьтесь и о работниках-ученых! На одного Гердера всегда придется по несколько тысяч копунов, которые укажут ему в греческих цитатах и еврейских буквах. Разве в наше время не пишут они томов об Ахиллесовом ристалище и греческих банях, о точках на глазах мухи и числе изданий Цицеронова «Оратора»? Только прежде эти люди были представителями учености и знаний, как у полудиких представителями их образованности бывают шаманы. Но Европа вышла из

своего шаманства и признает других предводителей в науках.

Станут ли после сего спрашивать: чем должен заниматься русский журналист? У нас, где так редки деятельные литераторы, куда так медленно проникают все новые события в науках, у нас поприще журналиста неизмеримо. Прежде всего он должен показывать нам эту общую, всеобъемлющую деятельность по всем частям, которая причиной невероятных успехов нашего времени. Он должен

58

знакомить своих читателей с сими успехами, объяснять их и доказывать действительность их. Он должен выставлять в истинном свете устаревшие, ложные понятия, мнения, поверья и притом излагать новые взгляды великих критиков. Он должен уведомлять о новых явлениях, представляющих новые завоевания в области наук. Его внимание еще более устремится на свои, отечественные события в науках и литературе. Тут он непременно *должен* указывать на успехи и попятные движения, которые у нас также не редки; но всегдашним, постоянным руководителем его будет одно неизменное правило: идти вперед, к лучшему, возбуждать деятельность в умах и будить их от этой пошлой, растительной бездейственности, которая составляет величайший недостаток большей части русских.

Вот условия, налагаемые современностию на русского журналиста! От исполнения их зависит успех его предприятия. В этом он должен убедиться и беспрестанно помнить — но что мы говорим: помнить! Он должен

мыслить, изучаться, существовать единственно в том убеждении, что его обязанность — споспешествовать общему ходу человечества, что он не вправе занимать публику своими отношениями, своим эгоизмом в таком деле, которое касается общества. Он должен посвятить себя на службу пользе своих сограждан и действовать по мере своих сил, дарований, образованности и природных склонностей. Назначение высокое: быть органом современных успехов и споспешествовать благу своего отечества! На какие труды, на какие жертвования нельзя решиться для этого? Заметим, наконец, для людей особенного разряда, не для литераторов, а для промышленников литературных, что спекуляций на ум публики делать нельзя. Никакой гений в мире не может сказать, что он выше всей массы своих сограждан. Народ всегда умнее одного лица. В этом убеждает нас история и все частные явления нравственного мира. На этом основано блестящее явление успеха. И наоборот, неудача предприятия или какого-нибудь события показывает несообразность его с временем и обстоятельствами. В литературе, которая действует в сфере умственного мира, неудача есть также неоспоримое доказательство несоответственности писателя с публикою. Он или ниже ее, или выше: но многие ли счастливыцы парят к солнцу? По крайней мере не там область журналиста: он живет на твердой земле и если не умеет заставить читать своего издания, то должен

удалиться с избранного им поприща или публика сама уволит его, с невыгодным для него аттестатом.

Мы поверим изложенную здесь теорию рассмотрением русских журналов, вообще играющих важную роль в русской литературе. Размножение их есть доказательство, что они необходимы для публики; непрерывное, постоянное падение их есть доказательство, что они не соответствуют потребностям ее. Особенно теперь, когда пишутся сии строки, русские журналы горестно подтверждают истину слов наших! В самом деле, что за мор, что за *холера* охватила их! «Вестник Европы» г-на Каченовского, «Исторический журнал» г-на Гаврилова, «Московский вестник» г-на Погодина, «Галатейя» г-на Раича, «Атеней» г-на Павлова, «Магазин» г-на Двигубского, «Отечественные записки» г-на Свинына — кончились вместе с 1830 годом!⁵ Некоторые из не умерших еще также едва дышат, и скоро, может быть, услышим мы о кончине «Литературной газеты», «Северного Меркурия», «Карманной книжки»! Однако ж это ужасно, читатели! Надобно исследовать причину такого журнального поветрия рассмотрением жизни покойников и живых. Желаем всем им бессмертия, но будем с ними беспристрастны. Может быть, нам удастся узнать причины странных явлений нашей журналистики, если взглядемся в них поближе.

Как ни спешим мы к делу, но должны еще оговориться кое в чем. Мы желали бы ограничить рассмотрение наше одними литературными журналами и газетами, но это почти невозможно. Все занятия литературные связаны в наше время с другими отраслями знаний, и это отразилось даже на русских периодических изданиях. Ни одно из них не может назваться чисто

литературным. Во многие входит политика, история, география и даже естествознание. Не принимая на себя обязанности рассмотреть каждый журнал отдельно, мы обратим внимание читателей на замечательнейшие почему-либо явления русской журналистики 1830 года. Конечно, нас займут не одни лучшие журналы и газеты, ибо тут выбирать и не из чего, и не должно. Не должно потому, что мы хотим видеть общий дух, направление и достоинство русских периодических изданий, а для сего необходимо рассмотреть все, что относится к нашему предмету. Само собой разумеется, что мы не будем говорить о журналах и газетах, вовсе не принадлежащих литературе.

Есть большое различие между журналом и газетою

60

или, лучше сказать, между издаваемыми в длинные и краткие сроки журналами. Журнал не принимает на себя обязанности извещать о дневных событиях; он исключительно посвящается тому, что должно оставить по себе прочные следы. Не его дело извещать о избрании какого-нибудь писателя в члены Академии, но он обязан сказать нечто, если избрание сие составляет некоторую эпоху в летописях словесности. Не его дело извещать о войнах и сражениях, но он должен сказать свое мнение о цели и следствиях войн и сражений, происходящих в его время. Он может уволить себя от известия о приезде в Россию Гумбольдта, но должен, при случае, сказать правду об успехах сего путешествия⁶. Одним словом, краткость срока для выдачи периодического сочинения

допускает иногда одни известия о событиях, тогда как при сроке более продолжительном требуется суждение. Конечно, сии границы неопределенны и почти всегда нарушаются владетелями, но вообще главное различие между газетою и таким изданием, которого не нужно раздавать в листах, состоит в скорости, обширности и основательности известий. Девиз газеты есть *новость*, девиз журнала — *основательность известий*.

Но есть еще одно условие, столь необходимое и важное для журнала или газеты, что в нем исчезает их различие: это — определенность мнений, ведущих к известной цели, или, если угодно, это *учение*, признаваемое издателями ближайшим к истине. В наше время нет портиков и академий в греческом смысле, но они существуют в другом значении. Превосходство английских и французских периодических изданий основано именно на сем условии. Там каждый значительный журнал есть выражение каких-либо известных мнений. Мы не разумеем здесь мнений политических, ибо пишем не о политике. Но у нас нет никаких определенных мнений, оттого что нет философии, нет взгляда на окружающие нас предметы — и вот первый, главный источник бесцветности, безжизненности и ничтожества русских журналов и газет. Взгляните на общество — и удостоверьтесь в этой печальной истине!

Там ли может существовать жизнь литературная, где общее мнение не имеет силы, где оно загнано в область сатирических рассказов? Все мнения общества должны выражаться в литературе; но у нас нет мнений в литературе. У нас все основано на отношениях, на преданиях. Литературою и даже философию занимаются,

но единственно как развлечением, как средством к поддержанию

61

здоровья: для многих верховая езда, бильярд, прогулка после обеда то же, что литература после неудобоваримых занятий в судах, на параде и вообще на службе. Но для чего берегут, скопляют эти люди нравственное здоровье? Чтобы проиграть его за картами или выветривать из головы, кружась в вихре вальса...

Ясно, что в самом обществе заключаются причины, удерживающие движение литературы.

Не входя в дальнейшее рассмотрение сей истины и обращаясь к литературным мнениям, заметим еще, что у нас нет единства в образовании; оттого почти в каждой голове свое учение! Вы встретите последователей Окена и — Щеглова, Шлегеля — и Баттё, Клейна — и Баумейстера! И все это так перемешано, перепутано, так безотчетно, что почти вся молодежь русская не только не имеет никакого понятия о единстве наук, но даже и не верит ему. Немногие избранные составляют исключение.

Зная образование общества, можно легко указать на причины всех явлений нашей журналистики. Мы уже придали общий эпитет русским журналам и газетам: *безжизненные*. Теперь взглянем отдельно на каждый или каждую из них и удостоверимся в справедливости явления, которого причины уже нам известны.

У нас, при издании журнала, главное препятствие — недостаток в сотрудниках. Конечно, не язык русский тому виною, но в России мало пишущих хорошо по-русски.

Однако ж предположим, что сие препятствие не существует; вы встречаете еще другое, сильнейшее. У нас — как мы уже сказали — нет единства в образовании. Надобно или не думать о цели журнала, или трудиться одному, двум и много—много трем.

«Санктпетербургские ведомости», старейшее периодическое издание в России, издаются в пользу Академии наук. Сии «Ведомости», пользующиеся всеми пособиями правительства и всеми правами официальной газеты, отличаются удивительною неисправностию своей редакции. В них неправильность языка, неточность в переводах и в ученых известиях и неисправность в печатании доставляемых редакции статей — непостижимы! «С.—Петербургские ведомости» доведены до того, что, читая их, вы не уверены ни в чем, ибо в них все бывает перепутано. Например, если на гулянье съехалось 1000 карет, то «Ведомости» говорят 700 или 1700; если был дождь, то они пишут о буре или засухе; если *предлагали* где—нибудь тосты за здоровье знаменитых особ, то они говорят, что

62

предлагали пить тосты. Если был концерт в пользу бедных, то они пишут: *в пользу Фильда*. В этих «Ведомостях» корабли *ездят* и чуть не плавают экипажи. В известиях о приезжающих в Петербург и отъезжающих из оногo по крайней мере третья часть имен или званий бывает напечатана неправильно. Например, если приехал *Рыбников*, то напечатают *Рыбаков*; *Свенске* — *Свенский*,

полковник — подпоручик, и проч. Об иностранных известиях и говорить нечего. Вот один образчик.

(NB. Во всех выписках из газет и журналов мы будем с дипломатическою точностью соблюдать правописание издателей.)

«СПб. в.», № 144, стр. 946: «Гг. (граф) Кергорле, Бриан и Женуд (издатель газеты de France) приговорены за оклеветание Королевского правления и особы короля, первый к шестимесячному посажению в тюрьму и 500 фр. денежной пени, оба другие к задержанию в тюрьме на один месяц и 150 фр. штрафу, все же трое к уплате законных проторов».

Во-первых, гр. Кергорле приговорен не за *оклеветание*, а за *оскорбление* особы короля. Во-вторых, какой грамотный человек скажет «Газета de France» вместо «Gazette de France»? В-третьих, *посажение*, да еще и *шестимесячное*, в тюрьму — не по-русски. Говорится: *посажение на кол*, а в тюрьму — *заключение, заточение*. В-четвертых, *к уплате законных проторов* — бессмыслица. Что это за *проторы*? Впрочем, на эти строчки и на правописание редакторов надобно издать целый лист замечаний. Читатели видят сами, а мы представляем им еще образчик «Внутренних известий»:

«СПб. в.», № 139, стр. 909: «Сочинитель статьи в субботочнем нумере «Сев. пчелы» о приведенной опять в жизнь посредством врачебной помощи упавшей в Мойку* работницы Егоровой, заключает оную желанием, к которому и мы от всего сердца присоединяемся, а именно...» Следует выписка из «Пчелы», а затем опять прежняя бессмыслица. Но довольно! Возрадуйся тень Тредьяковского! Твои последователи перещеголяли тебя!

* Уверяем честию, что так напечатано! Примеч. изд. «Тел.».

В заключение советуем тем из наших соотечественников, которые любят смеяться над смешным, выписывать себе «СПбургские ведомости». Они найдут там обильный запас самого невероятного смешного⁷.

63

Почти с такою же неисправностью, но еще с некоторыми особенными прикрасами издаются «Московские ведомости», в пользу Московского университета. Мы не говорим о печатаемых в тех и других «Ведомостях» афишах или объявлениях: тут, конечно, редакция не отвечает за слог; но не худо было бы обращать сколько–нибудь внимания на смысл. Надлежало бы исправлять хоть такие *противусмысленности*, как, например, объявление, что на гулянье в саду не позволено ходить *людям* и собакам. А это напечатано в «Московских ведомостях» особенною афишкою! Но, не касаясь корректуры объявлений и не упоминая об официальных известиях, которые в «Моск. ведомостях» печатаются несколько исправнее чем в «Петербургских», обращаемся к литературно–ученой части их: она под заведыванием князя П. И. Шаликова, писателя, известного в целой России. До 9000 экземпляров сей газеты расходуется по всем частям нашего государства! Это могло б быть употреблено в пользу, ибо сколько важных и любопытных сведений можно было бы сообщить публике через столь народную газету! Но кн. П. И. Шаликов, перепечатывая из других газет всякую всячину, дополняет или *украшает* это своими размышлениями о театрах, певицах, скакунах и фокусниках. Интересно!.. Указание на все неисправности «Московских ведомостей» завлекло бы нас слишком

далеко. Скажем только то, что смешные проглядки и недоглядки «СПбургских ведомостей» обыкновенно переходят и в «Московские», перепечатавающие все заграничное из «Петербургских» — а это не мало!

Одно непонятно и в «Петербургских», и в «Московских ведомостях»: почему не занимаются ими те ученые заведения, в пользу коих они издаются? Объявления не мешали бы статьям дельным, ученым и редакции исправной, соображаемой с потребностями читателей. И в «Journal des Débats», и в «The Times» печатаются объявления; но это не препятствует сим газетам привлекать к себе читателей всего света. Если не для пользы народной, то хоть для пользы кассы самых «Ведомостей» на это надлежало бы обратить внимание.

Оставляя сии преданные судьбе своей газеты, переходим к газетам, издаваемым частными людьми. В Москве их нет; в Петербурге издается несколько.

«Северная пчела», бесспорно, занимает первое место между всеми русскими газетами. Насмешники могут заметить, что это похвала не совсем лестная; однако ж

64

«Северная пчелам все-таки лучшая в России газета. Исправность редакции ее не оставляет ничего желать. Язык чистый, точный, переводы иностранных статей вразумительные, известия свежие, не запоздалые, множество мелких объявлений, часто написанных остро и умно, некоторые статьи литературные и ученые, отличающиеся занимательностью, — вот достоинства «Северной пчелы»! Но, к сожалению, более ничего не

можем мы сказать в похвалу сей газете! Недостатков в ней много, не наружных и, может быть, не заметных для толпы читателей, но разительных для читателя мыслящего! Главный — отсутствие единства в мнениях, отсутствие философии, и следственно — бесцветность!

Например, читая «Северную пчелу» шесть лет, мы до сих пор не могли узнать, к какому литературному учению принадлежат издатели ее. Хотят ли они истребления старых предрассудков и пошлых, устарелых мнений или только рубят хвосты собакам, подражая Алкивиаду, который столь хорошо знал свою публику?⁸ Мнения их как-то не искренни, не резки и более похожи на ложную тревогу в мирном лагере, нежели на открытый бой с нестерпимым врагом. В известиях о книгах они стараются не сказать ничего решительно или обращают свои стрелы на предметы, не стоящие того. Странно читать нападения жестокие на переводы нелепых книг, будто бы на какой-то московской фабрике, между тем как вздорные произведения литературной знаменитости и злоупотребления литераторов с именем получают отзывы двусмысленные! Оценены ли в «Пчеле» по достоинству книги, изданные в 1830 году гг-ми Кайдановым, А. Погорельским, Кошанским, Галичем, Козловым, Б. Каменским? Сказали ли гг. издатели прямо свое мнение о выставке Академии художеств?.. А статьи о спектаклях петербургских? Не правда ли, что это, как заметил один читатель, рапорты о спектаклях? Вообще издатели «Северной пчелы», почти во всех своих статьях, сбиваются на форменные донесения. Нетерпеливый читатель ищет *мнений* и находит только *известия*. Одним словом, «Северная пчела» как газета новостей, известий свежих и любопытных заслуживает полную

признательность публики; но как орган мнений — она робка, невнимательна к своим читателям и часто вовсе нема!

Надобно заметить, что мы требуем от издателей «Пчелы» усовершенствования последнего, единственного, которого недостает в их газете. Самое требование сие

65

показывает, как высоко уважаем мы сие издание, ибо подобные требования от «СПбургских ведомостей» были бы неуместны и даже смешны. Мы хотим, чтобы издатели «Пчелы» имели свои мнения и не ограничивались сообщением одних известий; хотим, чтобы они были откровеннее, искреннее — и надеемся, что вопием не в пустыне. Время «СПбургских» и «Московских ведомостей», хотя бы и исправленных в слог и корректуре, прошло безвозвратно. Новая эпоха и с нею новые требования наступили: удовлетворяйте их.

С нынешнего (1831–го) года размер «Сев. пчелы» увеличивается. Нам приятно думать, что издатели⁹ будут наполнять ее уже не одними известиями, но постараются удовлетворить требования высшие, требования века. По крайней мере в таком смысле понимаем мы желание их распространить пределы своего издания.

Некоторые обстоятельства, сопровождавшие появление в свет «Литературной газеты», издаваемой бароном Дельвигом, заставляют нас с большею подробностью заняться разбором оной.

(До следующей книжки.)¹⁰

66